

Л.М.ГУДАШОВА

ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ В 1945–1950 гг.

В статье автором рассмотрен опыт культурной политики Советской военной администрации по устранению нацистского и милитаристского влияния на общественные учреждения, на культурную и экономическую жизни немецкого народа в послевоенный период. Рассмотрен опыт взаимодействия стран, входящих в Союзный Контрольный Комитет и новой германской администрации по вопросам развития культуры на оккупированных территориях.

In the article the author considers experience of a cultural policy of the Soviet military authorities on elimination of some Nazi and militaristic influence from public institutions during the post-war period. Experience of interaction of the countries which are included in Allied Control Committee and new German administration on questions of development of culture on occupied territories is considered also.

Ключевые слова: культура, Союзный Контрольный Комитет, культурная политика, коммунистическая субкультура, Центральное Правление СЕПГ, коллективная диктатура оккупационных властей.

Key words: culture, Allied Control Committee, a cultural policy, the communistic subculture, Central Board SEPG, collective dictatorship of occupational authorities.

В мае 1945 года закончилась война. Лишения и страдания запечатлелись в миллионах жертв, в невиданных ранее материальных и духовных потерях для мировой культуры.

С окончанием войны в Европе весной 1945 года стало очевидно, насколько высокой была цена победы над германским фашизмом. Страны антигитлеровской коалиции искали компромисс, несмотря на несовпадающие интересы в мировой политике. Союзников объединяло стремление исключить угрозу новой войны с немецкой землей. Пути достижения этой цели, однако, у всех были разные.

В своей деятельности Советская военная администрация (СВАГ) руководствовалась коммунистической концепцией возрождения Германии, осуществление которой в сфере культуры, науки и образования должно было способствовать преодолению идейного наследия нацистов и распространению в Германии коммунистической субкультуры с присущей ей системой ценностей. Такая эволюция общества обеспечивала

распространение влияния СССР. Однако программные установки Москвы не были подкреплены детальным планом их реализации. Многие зависело от конкретных обстоятельств и интуиции людей, претворявших в жизнь решения Центра.

Как показало исследование литературы и источников того времени, советское военное командование на территории Германии при всей жесткости проводимой им политической линии демонстрировало почтительное отношение к немецкой культуре. Не только к классикам прошлых столетий, но и к здравствовавшим на тот период писателям.

Так, 7 августа 1945 г. по распоряжению Главноначальствующего СВА Тюрингии было проведено торжественное мероприятие у памятника Шиллеру и Гете в Веймаре [1]. Порой звучали высказывания о том, что Красная Армия принесла освобождение немецкой культуре и искусству [2]. Казалось, что на время сгладились противоречия, стерлись различия между побе-

дителями и побежденными. В самой первой разведсводке американских спецслужб из Берлина от июля 1945 года отмечалось, что по всему городу «открыто множество кабаре и ночных клубов, которые пользуются большим успехом у местного населения и оккупационных войск. В программах чередуются номера на немецком и русском языках» [3]. Даже современники поражались картинам кажущегося умиротворения во время катастрофы.

Союзническая оккупация принесла с собой освобождение от кошмара войны. Проистекая из законов ее ведения, а также международного договорного права, она не являлась, однако, непосредственно актом освобождения от нацистской диктатуры [4].

В официальных советских документах формулировка «освобождение немецкого народа от гитлеровского фашизма» впервые прозвучала в приветственной телеграмме ЦК ВКП(б) к Центральному Правлению СЕПГ 11 мая 1950 г. [5]. Эту же формулировку содержит телеграмма главы советского правительства И.В.Сталина председателю Совета министров ГДР Отто Гро-теволу, датированная тем же числом.

Со всей очевидностью уже в 1943 г., после присоединения к требованию США и Великобритании о безоговорочной капитуляции, Советский Союз дал понять, что преследует в Германии цели, выходящие за рамки традиционного права воюющих сторон и влекущие за собой вмешательство во внутренние дела побежденной страны.

Ранее, 14 октября 1942 г., Советский Союз заявил, что будет действовать самостоятельно в деле наказания за преступления против норм международного права. СССР не присоединился к декларации представителей стран, оккупированных Германией, от 13 января 1942 г., а также отказался от участия в работе созданной 7 октября 1942 г. Комиссии Объединенных наций по расследованию военных преступлений. Эта позиция нашла подтверждение в Московской декларации от 31 октября 1943 г.

Позднее, на Ялтинской конференции в 1945 году, политические руководители США, Великобритании и СССР поставили перед собой задачу «устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни немецкого на-

рода, и принять в отношении Германии совместные меры, необходимые для обеспечения в будущем мира и безопасности во всем мире» [6]. Это означало, что союзники брали на себя всю полноту полномочий, которая распространялась также и на область культуры. Реализация этих полномочий тормозилась принципом единогласия, действовавшим в Союзном Контрольном Совете (*далее – СКС*), который был призван заниматься вопросами, касающимися «Германии в целом». Впрочем, формально принцип некой коллективной диктатуры оккупационных властей четырех держав вступал в противоречие с закрепленным в договоре положением о том, что каждый союзный Главноначальствующий в своей оккупационной зоне должен был выполнять в первую очередь директивы своего правительства [7]. Эта «самоблокада» разрешилась весной 1948 года, когда СКС прекратил свою деятельность. В результате, не только Германия, но и вся Европа оказались почти на 50 лет расколота на два лагеря, противостоявших друг другу в военном, политическом и культурном отношениях.

С самого начала между державами-победительницами не было разногласий по поводу общих целей оккупации. Что касается сферы культуры, то уже в Берлинской декларации от 5 июня 1945 г. главноначальствующие четырех оккупационных зон возлагали на себя контроль над всеми немецкими средствами массовой информации.

«Политическими принципами», согласованными на Потсдамской конференции, запрещалась дискриминация по политическим и религиозным мотивам и объявлялась чистка кадров общественных и совместных учреждений с целью удаления оттуда бывших членов НСДАП. В статье 7 «Политических принципов» особо подчеркивалась необходимость надзора над системой воспитания для полного устранения из нее нацистских и милитаристских доктрин, а также для того, чтобы сделать возможным «успешное развитие демократических идей». 10-я статья «Принципов» гарантировала «свободу слова, печати и вероисповедания», а также объединений (поначалу это относилось только к профсоюзам и религиозным организациям), но лишь в пределах, допустимых «необходимостью обеспечения военной безопасности» [8].

Более конкретными были регулирующие акты СКС. В соответствии с обращением СКС № 2 от 20 сентября 1945 г. распускались все военные школы и военно-патриотические объединения и вступал в силу запрет на любое военное обучение, пропаганду войны, деятельность военизированных организаций, включая те, что прикрывались политическими, религиозными, общественными или спортивными целями. Дальнейшие правовые ограничения опирались на законы СКС № 2 от 10 октября 1945 г. о запрете всех нацистских организаций [9] и № 8 от 30 ноября 1945 г. о запрещении военного обучения; решение Координационного комитета СКС от 23 ноября 1945 г. об основах преподавания религии [10]; и директиву № 23 от 17 декабря 1945 г. о демилитаризации спорта и ограничениях деятельности спортивных организаций [11].

Что касается результатов кадровой политики, которую оккупационные власти в силу различий в процедурных подходах к ней проводили на своей территории каждая на свой лад, то наибольшее влияние на нее оказали директивы СКС № 24 от 12 января 1946 г. об «устранении национал-социалистов и лиц, враждебных союзным целям, из учреждений и с ответственных постов» [12] и № 32 от 26 июня 1946 г. о «дисциплинарных мерах против руководящего и административного персонала учебных заведений, преподавателей и студентов, виновных в милитаристской, национал-социалистической или антидемократической пропаганде» [13]. В определенной мере это относится и к приказу СКС № 4 от 13 мая 1946 г. об «изъятии литературы и произведений национал-социалистического и милитаристского характера» [14]. Не столь значимыми оказались последствия закона № 25 от 29 апреля 1946 г. «о регулировании естественно-научных исследований и контроле над ними» [15] или директивы № 30 от 13 мая 1946 г., касающейся «ликвидации немецких памятников и музеев милитаристского и национал-социалистического характера» [16]. Практически никакой роли не сыграла директива № 54 от 25 июня 1947 г. «об основных принципах демократизации системы образования в Германии» [17]; она была выдержана в слишком общих выражениях и, к тому же, появилась слишком поздно, когда сотрудничество между союзниками уже шло по нисходящей.

В руководящих кругах СВАГ постепенно оформлялось свое видение задач культурной политики применительно к С03. Начальник УС-ВА земли Тюрингия И.С.Колесниченко [18] в своем донесении в ЦК ВКП(б) писал, что нужно обеспечить «не только военную, но и идеологическую оккупацию», обосновывая это тем, что немцы, на протяжении веков находившиеся под гнетом милитаризма, сами не способны освободиться от него, а западные оккупационные власти в Германии не хотят «ничего нового» [19].

С весны 1948 г. в обиход вошли такого рода понятия, как «культурно-политическая» и «культурно-массовая работа». Эти понятия подчеркивали инструментальную функцию культуры как политического средства дисциплинирования общества и сглаживания конфликта между господством партийной диктатуры и элементарными демократическими установлениями.

Работа с населением осуществлялась и от имени немцев-антифашистов, прежде всего, – коммунистов. Однако даже немецкие коммунисты, включая тех, кто прибыл в Германию из эмиграции в СССР, не вызывали абсолютного доверия советских военных.

С болью писал член КПГ поэт И.Р.Бехер начальнику Управления пропаганды СВАГ С.И.Тюльпанову: «Если мне не удалось в течение почти 30-летнего пребывания в партии завоевать доверие русских товарищей, то безнадежно пытаться завоевать это доверие вообще... Я знаю, что не только я, но и мои ближайшие коллеги на 100% заслуживают этого доверия, которое они завоевали в очень сложных условиях...». Немцам предлагалось «завоевать доверие русских властей» [20].

Страшный опыт войны и ненависти не мог исчезнуть внезапно, по приказу. Особую роль в этом долгом и трудном процессе играли культурная политика, межличностные отношения, собственный опыт и ожидания людей.

Литература:

1. См.: Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995, С. 326; Pachaly, Erhard/Rosenfeld, Günter/Schützler, Horst/Schulte-Wollgast, Harald: Die kulturellen Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion, in:

Labour, Ernst u.a. (Hg.): Die Große Sozialistische Oktoberrevolution und Deutschland. Berlin, 1967. S. 485. Внимательное, уважительное отношение было проявлено к Герхарду Гауптману.

2. См. Hartmann, Anne: „Züge einer neuen Kunst“? Ästhetische Konzepte der SMAD und ihre Herkunft aus dem Stalinismus, in: Ehrlich, Lothar/Mai, Gunther: Weimarer Klassik in der Ära Ulbricht, Köln 2000, S. 61-62.

3. См.: Intelligence Summary 17. July 1945, Federal Records Center, RG 208/234/366A.

4. См.: Отношения СССР с ГДР. 1949-1955 гг. М., 1974, С. 81.

5. См.: Там же. С. 80.

6. См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США, Великобритании 4–11 февраля 1945 г. М., 1984, С. 209.

7. См.: Kurze Zusammenfassung des Abkommens über den Kontrollmechanismus in Deutschland, in: Die Berliner Konferenz der Drei Mächte / Der Alliierte Kontrollrat für Deutschland / Die Alliierte Kommandantur der Stadt Berlin, 1945, Sammelheft 1: Kommuniqués, Deklarationen, Proklamationen, Gesetze, Befehle, SWA-Verlag Berlin 1946, S. 32.

8. Mitteilung über die Berliner Konferenz der

Drei Mächte (Сообщение о Берлинской конференции трех держав). С. 9-10.

9. Там же. С. 68-69.

10. Там же. С. 78.

11. См.: Ведомости Контрольного Совета в Германии (*далее – Ведомости...*). 1946. № 3. 31 января. С. 21.

12. См.: Ведомости... 1946. № 5. 31 марта. С. 98-115.

13. См.: Ведомости... 1946. № 8. 1 июля. С. 162.

14. См.: Ведомости... 1946. № 7. 31 мая. С. 151-152.

15. См.: Ведомости... 1946. № 6. 30 апреля. С. 138-143.

16. См.: Ведомости... 1946. № 7. 31 мая. С. 154-155.

17. См.: Официальный бюллетень Союзной Комендатуры. Берлин, 1947. № 9. С. 8-9.

18. Колесниченко Иван Сазонович (1907-1984), генерал-майор, в 1945–1949 гг. – начальник Управления СВА федеральной земли Тюрингия; в 1948 г. награжден Орденом Ленина.

19. Начальник УСВА федеральной земли Тюрингия И.С.Колесниченко – заместителю начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Пономареву от 3 декабря 1948 г. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 572. Л. 85.

20. Ведомости... 1947. № 16. 31 июля. С. 286.